

Пустошь. Образец 17

Никол Пучков

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Павел Пучков

Пустошь. Образец 17

«Автор»

2026

Пучков П. В.

Пустошь. Образец 17 / П. В. Пучков — «Автор», 2026

Он очнулся в лесу. В одном больничном халате. Без имени, без прошлого, без воспоминаний. Вокруг — Пустошь. Искажённая аномалиями земля, где за артефактами-сростками охотятся отчаянные ловцы, а мутанты и люди одинаково опасны. Деревня на границе. Старуха-знахарка. Первое убийство. Первый друг. Первое имя — Коди. Внутри него — чужой организм, дарующий силу и отнимающий человечность. За ним охотятся военные группировки, а из глубин Пустоши доносится Зов — голос того, кто ждал его задолго до рождения. Коди должен пройти свой путь до конца и сделать выбор: остаться человеком или стать чем-то большим. Или чем-то меньшим. 18+ В тексте присутствуют сцены насилия, нецензурная лексика и мрачная атмосфера выживания.

© Пучков П. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Книга 1	5
Пролог	6
Глава 1. Крещение	7
Глава 2. Побег	13
Глава 3. Бирюза	17
Глава 4. Бункер	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Павел Пучков

Пустошь. Образец 17

Книга 1

Все права защищены, 2026г

Пролог

Сначала была темнота.

Не та, что приходит с ночью, — мягкая, убаюкивающая, полная шорохов и запахов. Нет, эта темнота была глубокой, как вода в заброшенном колодце. В ней не было ни звуков, ни образов, ни времени.

А потом пришёл холод.

Он шёл не снаружи — изнутри, из самой сердцевины, где когда-то билось что-то живое. Тело лежало на земле, в мокром мху, и не помнило, как это — дышать. Оно не помнило ничего.

Человек, очнувшийся в этом теле, не знал ни своего имени, ни прошлого. Он был как чистый лист, на котором кто-то уже написал несколько слов, но тут же стёр их. Осталось лишь одно, выжженное на самой границе сознания: Пустошь.

Он открыл глаза.

Над ним нависали ветви — кривые, бледные, безжизненные. Где-то далеко, в низине, гудела земля. Этот гул был похож на дыхание спящего зверя. И зверь этот был огромен.

Человек попытался встать. Руки дрожали, ноги не слушались. Он был одет в тонкий больничный халат, промокший от росы. Ни ботинок, ни документов, ни воспоминаний.

Только тело. И чужое, едва уловимое тепло в груди — будто внутри поселился уголёк.

Он не знал, что этот уголёк — часть его. Что таких, как он, называют носителями. Что за ним уже началась охота.

Он знал только одно: надо идти.

Куда — непонятно. Зачем — неизвестно. Но инстинкт, древний, как сама жизнь, толкал его вперёд.

Впереди был лес.

А за лесом — деревня.

А за деревней — Пустошь.

Глава 1. Крещение

Сознание вернулось рывком, без плавного перехода от сна к бодрствованию. Просто секунду назад была пустота — ни снов, ни мыслей, ни даже ощущения времени, — а теперь в глаза ударил тусклый, рассеянный свет, пробивающийся сквозь густые кроны.

Он лежал на боку, уткнувшись щекой в сырой мох. Холод пронизывал до костей — такой холод, от которого немеют пальцы и сводит судорогой мышцы. Халат, тонкий, больничный, насквозь промок от росы, прилип к телу, не грел. Одна штанина задралась выше колена, и мокрая земля касалась голой кожи.

Первая мысль была даже не «где я», а «почему так холодно». Вторая — «я не помню».

Он попытался вспомнить хоть что-то. Имя. Город. Лицо матери или женщины, которую любил. Вчерашний день. Собственное отражение в зеркале. В голове звенела пустота, глубокая и страшная, как колодец, в который бросили камень, а всплеска так и не дождались.

Паника пришла животная, липкая. Он рывком сел, и тело отозвалось болью — затекшие мышцы, ссадины на босых ступнях, ноющая шея, будто его долго тащили волоком. Перед глазами поплыли чёрные точки. Он зажмурился, сглотнул вязкую слюну с привкусом желчи, и его вырвало — прямо на мох, скудно, одной слизью. Желудок был пуст.

— Блядь, — выдохнул он. Голос прозвучал хрипло, чуждо, будто не его.

Он заставил себя осмотреться. Лес. Не лес даже, а перелесок — деревья стояли редко, кривые, с неестественно бледной, будто выцветшей листвой. Тишина. Не просто отсутствие звуков, а глухая, давящая тишина, в которой собственное дыхание казалось оглушительным. Ни птиц, ни шороха насекомых. Только где-то далеко, на грани слышимости, что-то мерно гудело — низко, утробно, как трансформаторная будка под током.

Надо встать. Надо идти. Куда — непонятно, но оставаться здесь нельзя. Он попытался подняться, опираясь на дрожащие руки, и тут же вскрикнул — ступня напоролась на что-то острое, спрятанное во мху. Ржавая проволока, скрученная в узел, с торчащими, как шипы, концами. Из глубокого пореза на подошве потекла кровь — яркая, алая, почти неестественно живая среди этой блёклой растительности.

Он зажал рану пальцами, матерясь сквозь зубы. Боли он не боялся — точнее, понимал, что должен бояться, но страх отступил перед более сильным чувством: злостью. Тупой, бес- сильной злобой на этот лес, на холод, на собственную пустую голову.

Халат. На нём был только халат. Без карманов, без бирок, застиранный до серости. Он стянул его с себя, морщась от холода, и осмотрел. Ничего. Тогда он начал ощупывать себя — предплечья, грудь, живот, бёдра. Ни шрамов, ни татуировок, ни родимых пятен, которые могли бы что-то рассказать. Тело было чистым, почти неестественно гладким, если не считать свежих ссадин от лежания на земле. Кожа городская, бледная, не знавшая загара.

— Кто я? — прошептал он.

Тишина была ему ответом.

Он разорвал подол халата на полосы, кое-как перевязал раненую ступню и, хромая, побрёл туда, где просвечивал разрыв между деревьями. Инстинкт или случайность — он не знал. Просто надо было двигаться, чтобы не замёрзнуть насмерть.

Лес кончился внезапно, оборвавшись полем. Точнее, тем, что когда-то было полем, а теперь превратилось в полосу отчуждения — ничейную землю между лесом и деревней.

Деревня. Он замер, вцепившись в ствол крайнего дерева, чтобы не упасть.

Поселение выглядело так, будто его строили сумасшедшие архитекторы из всего, что попадалось под руку. Десятка два построек, слепленных из островов грузовиков, ржавых контейнеров, мешков с песком, шифера и гнилых досок. Всё это напоминало растревоженный

муравейник, только муравьи были людьми. Между домами тянулись верёвки с развешенным тряпьем. Над крышами вился жидкий дымок, пахнувший не деревом, а чем-то химическим.

Вокруг деревни, повторяя её контуры, шёл частокол — высотой метра в три, сваренный из ржавых рельсов, колючей проволоки, кусков арматуры и бог знает чего ещё. Кое-где на рельсах висели связки пустых консервных банок — примитивная сигнализация. У ворот, представлявших собой два поставленных вертикально трамвайных вагона без колёс, горел костёр.

У костра сидели двое.

Первый — здоровенный мужик в засаленном бушлате с оторванным рукавом, смотрел прямо на него. Оптика на его карабине блеснула линзой. Второй, щуплый и вертлявый, с повязкой на пол-лица, что-то говорил первому, кивая в сторону леса.

Они его заметили.

Он сделал шаг из-за дерева, подняв руки. Не потому что боялся оружия — просто инстинкт. Руки вверх — значит, не опасен. Откуда он это знал? Из прошлой жизни? Или это было записано где-то на подкорке, в том слое памяти, который не стёрся?

— Стоять! — рявкнул здоровяк, вскидывая карабин. — Кто такой?

Он остановился. Открыл рот, но не нашёлся что сказать. «Не знаю»? «Я ничего не помню»? Это прозвучало бы как бред сумасшедшего.

— Я... — голос сорвался. — Я не помню.

— Чего? — здоровяк сплюнул под ноги. — Ты глянь, Гнида. Городской. В халате. Из леса.

Щуплый — Гнида — подошёл ближе, прихрамывая на левую ногу. Лица его было не разглядеть под грязной повязкой, но глаза смотрели цепко, недобро.

— Может, «гонца» к нам подослали? — протянул он. Голос у него был высокий, с пришепётыванием. — От Ордена. Или от учёных. Шпиёна.

— Да какой он, нахуй, шпиён? — хмыкнул здоровяк. — Посмотри на него. Он сейчас сдохнет прямо тут.

— Вот и пусть сдохнет, — равнодушно бросил Гнида. — Меньше возни.

— Эй, — здоровяк прищурился. — Ты вообще говорить можешь? Имя есть?

Имя. У него не было даже этого.

— Нет, — сказал он. — Я ничего не помню.

— Во даёт, — Гнида засмеялся, но смех вышел невесёлым. — Память ему отшибло. Рябой, давай его до Ордена доведём. Может, заплатят за подопытного. А нет — так просто пристрелим.

Рябой — видимо, здоровяк — задумался. Смотрел на пришельца оценивающе, как на вещь, которую можно продать или выбросить.

И тут вмешался третий голос — резкий, как удар кнута:

— Отошли от него.

От ближайшей лачуги, той, что была обложена мешками с песком и напоминала дот, к воротам шла женщина. Старая, но не дряхлая — жилистая, с жилистыми же руками и коротко стриженными седыми волосами. Две фаланги на левой руке у неё отсутствовали — вместо пальцев были уродливые культы, след давнего ранения. В правой она держала обреза, направленный в землю, но палец лежал на спусковой скобе.

— Марта, — протянул Рябой, и в его голосе мелькнуло что-то похожее на опаску. — Чего тебе?

— Я сказала — отошли. — Женщина остановилась в паре метров, переводя взгляд с одного на другого. — Это мой должок.

— Чего? — Гнида скривился. — Какой ещё должок?

— Крота помните? Помощника моего. Он две недели как в Пустошь ушёл. Не вернулся. А этот, — она кивнула на незнакомца, — видать, мне заместо него.

— С хуя ли?

— С такого, Гнида, что я так сказала. — Марта сплюнула сквозь зубы. — Вы его не тронете. Он пойдёт со мной. Если через неделю он не отработает своё содержание — забирайте. А пока — моё слово.

Рябой и Гнида переглянулись. Какая-то невидимая иерархия, неписанный закон этого места, требовал от них уважения к слову Марты. Или, может, они просто боялись старухи с обрезом. Так или иначе, Рябой опустил карабин.

— Неделя, — сказал он. — И чтобы из деревни — ни ногой. Увидим за частоколом — разговор короткий.

Бытовка Марты стояла на отшибе, у самого частокола, и наполовину ушла в землю — не специально, просто со временем просела. Внутри пахло сушёными травами, йодом, самогоном и ещё чем-то кислым, что он не мог опознать. Узкое пространство было забито полками с банками, пучками трав, мотками проволоки и ржавыми инструментами. В углу, на металлической печке-буржуйке, булькала кастрюля.

Марта толкнула его к топчану — жёсткой лежанке, покрытой драным одеялом.

— Садись.

Он сел, дрожа. Внутри бытовки было теплее, чем снаружи, но холод, казалось, поселился в костях.

Марта зажгла керосиновую лампу, поставила на стол, и свет выхватил из темноты её лицо — морщинистое, обветренное, с глубоко посаженными глазами. Она смотрела на него без жалости, но и без враждебности. Скорее, с профессиональным интересом, как ветеринар на больную скотину.

— Снимай халат, — сказала она.

Он замешкался.

— Оглох? Снимай. Мне надо гниль проверить.

— Что проверить?

— Гниль. Болезнь тут такая. От Пустоши. Если подхватил — у тебя на коже пятна пойдут. Сперва серые, потом чёрные. Через неделю сгниёшь заживо. — Она говорила об этом буднично, как о насморке. — Так что снимай. Стесняться тут не перед кем.

Он стянул халат, оставшись голым. Холод тут же укусил кожу, но он заставил себя сидеть смирно, пока Марта осматривала его. Её грубые пальцы с обломанными ногтями ощупывали шею, подмышки, пах — без тени смущения, деловито. Она цокнула языком, рассматривая порез на ступне, потрогала края раны.

— Чистый, — сказала она наконец. — Ни пятен, ни гнили. Это странно.

— Почему?

— Потому что ты, парень, выглядишь так, будто тебя сюда прямиком из города выбросило. Из того мира, где горячая вода из крана течёт и бабы в чистых простынях спят. А такие, как ты, долго не живут. Либо гниль цепляют сразу, либо... — она не договорила.

— Либо что?

— Либо кто-то тебя сюда специально закинул. И, значит, ты зачем-то нужен.

Она накинула ему на плечи сухое одеяло — колючее, но тёплое — и повернулась к печке.

— Я ничего не помню, — сказал он тихо.

— Я поняла. — Она помешала варево в кастрюле. — И не надейся, что вспомнишь. Тут память — роскошь. Тут надо о другом думать. О том, как выжить.

Она налила в жестяную кружку горячей жижи — травяной отвар, горький и терпкий. Он сделал глоток, и тепло разлилось по телу.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что. Ты теперь мой должник. — Марта села напротив, на перевёрнутый ящик. — Слушай сюда. Я расскажу один раз, повторять не буду.

И она рассказала.

О Пустоши. О том, что это место — рана на теле мира, появившаяся после того, что здесь называют Импульсом. Катастрофа то ли техногенная, то ли природная, то ли то и другое вместе, исказила законы физики на огромной территории. Здесь не работали компасы, барахлила электроника, а в воздухе иногда просыпалась «сумеречная взвесь» — микроскопические частицы, которые оседали в лёгких и не выводились. Но главное — здесь были аномалии и сростки.

— Сростки — это то, за чем сюда идут, — говорила Марта, перетирая в ступке серые кристаллы, от которых исходило слабое голубое свечение. — Там, где аномалия бьёт в одну точку долго, земля рождает сросток. Не камень, не металл, не органика — хрен пойми что. Но он работает. Один сросток может месяц питать энергией целый дом. Другой — лечит раны быстрее, чем любое лекарство. Третий — воздух очищает. На Большой земле за них платят бешенные деньги.

— Большая земля — это что?

— Это всё, что за Пустошью. Обычный мир. Оттуда приходят ловцы — сталкеры, рейнджеры, как их ни назови. Приходят за сростками. Кто-то за деньгами, кто-то за знаниями, кто-то от себя убегает. А мы — осадники. Те, кто тут живёт постоянно. Кто-то не может вернуться, кто-то не хочет.

— А ты?

Она посмотрела на него долгим взглядом.

— А я, парень, просто устала бегать.

Ночь упала на Деревню внезапно — так здесь всегда было, без долгих сумерек. Темнота накрыла Пустошь, как одеялом, и вместе с ней пришли звуки. Далекий гул стал громче, к нему добавились новые шумы — скрипы, шорохи, что-то похожее на детский плач в глубине леса. Марта сказала не обращать внимания — «это просто тварь, она сюда не сунется».

Герой лежал на топчане, закутавшись в одеяло, и смотрел в дощатый потолок. Сон не шёл. Слишком много вопросов, слишком мало ответов. Кто он? Как оказался в лесу? Почему у него нет прошлого?

Он не слышал шагов — только голоса.

— Марта! Открывай, старая карга!

Удары в дверь — тяжёлые, кулаком. Герой сел, напрягшись.

Марта уже стояла у двери с обрезом в руке. Лицо её было спокойно, но пальцы, сжимавшие оружие, побелели.

— Кого там черти принесли? — крикнула она.

— Открывай, кому сказано! Разговор есть.

Она приоткрыла дверь на цепочку. Снаружи, в свете керосиновой лампы, стояли Рябой и Гнида. Оба пьяные — даже сквозь щель тянуло сивушным перегаром.

— Чего надо?

— Новенький твой, — сказал Гнида. — Отдавай. Мы тут подумали — нахрена он тебе? А нам за него Орден заплатит. Или учёные. Говорят, они за чистых людей хорошо дают.

— Пошли вон, — спокойно сказала Марта.

Рябой хмыкнул и ударил плечом в дверь. Цепочка лопнула, дверь распахнулась. Марта вскинула обрез, но Гнида оказался быстрее — выбил оружие из её рук, и старуха, потеряв равновесие, упала на пол.

Вот тут всё и случилось.

Герой не думал. Он не взвешивал шансы, не просчитывал последствия. В голове будто что-то щёлкнуло, и тело среагировало само. Он метнулся к верстаку у стены, схватил единственное, что подвернулось под руку — ржавый гаечный ключ, — и в два шага оказался рядом с Рябым.

Здоровяк успел повернуть голову, но не успел ничего сделать. Удар пришёлся в висок — сбоку, с разворота, с той силой, которую рождает только отчаяние. Хруст кости был глухим и страшным, как звук ломающейся ветки. Рябой захрипел, закатил глаза и рухнул на колени. Второй удар — по затылку — опрокинул его на пол.

Кровь. Много крови. Она текла из разбитого виска, растекалась по грязным доскам, впитывалась в щели. Рябой не двигался.

Герой стоял над телом, тяжело дыша. Ключ в его руке дрожал. Он убил человека. Только что. Два удара — и человека нет. Внутри было пусто. Ни ужаса, ни раскаяния — только пустота и гулкий стук сердца в ушах.

— Сука... — выдохнул Гнида, пятясь к двери. В его глазах плескался страх пополам с яростью. — Ты покойник, слышишь? С утра вернусь с пацанами. Мы тебя на куски порежем. И старуху твою тоже.

Он исчез в темноте.

Марта поднялась с пола, потирая ушибленное плечо. Посмотрела на труп, потом на героя.

— Быстро ты, — сказала она. В голосе не было ни благодарности, ни удивления — только мрачная констатация факта. — Помоги перевернуть.

Они вдвоём перевернули тело Рябого. Марта обшарила карманы — достала патроны, складной нож, флягу с самогоном. Всё это она положила на стол. Потом выпрямилась и посмотрела на героя.

— Слышал, что Гнида сказал? Утром он вернётся. И не один. С ним человек пять отмороzków, которые за бутылку мать продадут.

— Что делать? — спросил он.

Марта помолчала. Потом подошла к верстаку, порылась в инструментах и достала нож — не складной, не ржавый. Настоящий охотничий нож с тёмным, хорошо смазанным лезвием и наборной рукоятью. Она протянула его герою.

— Гнида живёт в старой трансформаторной будке, за свинарником. Сейчас он пьян и один. Его дружки спят в бараке и до утра не проснутся, даже если стрелять начнут. — Она посмотрела ему прямо в глаза. — Ты пойдёшь туда сейчас и закончишь то, что начал. Или утром мы оба будем кормить червей.

Герой взял нож. Лезвие было холодным и тяжёлым.

— Почему ты сама не пойдёшь? — спросил он.

— Потому что я старая, — сказала Марта просто. — И потому что это твой долг. Ты его заслужил.

Он кивнул.

— Как мне пройти к будке?

Деревня ночью была другим местом. Днём она казалась просто уродливым поселением, слеplенным из мусора. Ночью же она превращалась в лабиринт теней, где каждый звук казался угрозой, а каждый шорох — шагами за спиной.

Он шёл босиком — ступни уже онемели от холода и боли, но он не чувствовал ничего, кроме пульсирующей в висках решимости. Нож он держал в правой руке, лезвием вдоль предплечья, как показала Марта — «чтобы не блестел, если кто увидит».

Свинарник нашёлся быстро — длинное приземистое строение из шлакоблоков, от которого воняло гнилью и животным жиром. Трансформаторная будка стояла чуть поодаль, на отшибе. Маленькая, квадратная, с проржавевшей крышей и единственным подслеповатым окошком, в котором горел тусклый свет.

Он подошёл бесшумно. Сердце колотилось где-то в горле. Изнутри доносилось пьяное бормотание — Гнида разговаривал сам с собой, перемежая слова матом. Кажется, он вспоминал какую-то бабу, которая его «кинула», и обещал ей все кары небесные.

Герой замер у двери, пытаясь унять дрожь. Он не знал, как это делать. Он не был убийцей — во всяком случае, не помнил себя таковым. Но тело снова подсказывало. Дышать медленно. Слушать. Ждать момента.

Он толкнул дверь — та оказалась незаперта, — и шагнул внутрь.

Гнида сидел за грубо сколоченным столом, спиной к двери. Перед ним стояла бутылка и жестяная кружка. Услышав скрип, он обернулся, и лицо его исказилось гримасой узнавания.

— Ты?! — он попытался вскочить, но споткнулся о табуретку, потерял равновесие.

Герой не дал ему подняться. Он шагнул вперёд, сокращая дистанцию, и ударил ножом. Не в сердце — он не знал анатомии, — а просто туда, куда достал: в бок, чуть ниже рёбер. Лезвие вошло с мерзким чавкающим звуком, который он не забудет никогда.

Гнида закричал. Высоко, пронзительно, как заяц. Попытался оттолкнуть нападавшего, но руки его ослабели. Второй удар пришёлся в шею — и крик оборвался бульканьем.

Всё закончилось быстро.

Герой стоял над телом, тяжело дыша. Руки были в крови. Нож он так и не выпустил. Внутри по-прежнему было пусто — ни торжества, ни ужаса, только холодная, расчётливая ясность. Он сделал то, что было нужно. И остался жив.

Он обшарил будку — забрал патроны, которые лежали на подоконнике, коробок спичек, ещё один нож (складной) и старый, но вполне годный армейский бушлат, висевший на гвозде. Обуви не нашёл — Гнида ходил в рваных сапогах, которые ему не подходили.

Возвращался он медленно. Адреналин схлынул, и на его место пришла усталость — глубокая, свинцовая, навалившаяся на плечи. На востоке, над частоколом, начала светлеть полоска неба. Запах дыма и химии смешивался с запахом крови на его руках.

У дверей бытовки его ждала Марта. Она сидела на пороге, кутаясь в платок, и курила самокрутку. Увидев его — босого, в окровавленном халате поверх чужого бушлата, с ножом в руке, — она ничего не сказала. Просто кивнула.

— Готово?

— Готово, — ответил он. Голос был чужим.

— Тогда заходи. Надо руки обмыть. И подумать, что дальше.

Утро встретило Деревню суетой. Осадники просыпались, разжигали костры, перекликались хриплыми голосами. Никто ещё не знал о том, что случилось ночью. Никто, кроме Марты и героя.

Он сидел на пороге бытовки, в том же бушлате, но уже в старых сапогах, которые Марта нашла в своих запасах — великоватых, но лучше, чем ничего. Нож, которым он убил Гниду, лежал рядом, чисто вымытый. Руки он отмывал долго, но кровь, казалось, въелась под ногти навсегда.

— Имя тебе надо, — сказала Марта, выходя с кружкой горячего отвара. — Нельзя без имени.

— Не помню, — сказал он.

— Значит, люди дадут. — Она села рядом, закурила. — Вчера ты убил одного у меня на пороге. Сегодня ночью — ещё одного, в его же логове. Ты резал их, как свиней. Без страха, без жалости.

— Я не...

— Не оправдывайся, — перебила она. — Ты сделал, что должен. Это правильно. Но люди здесь простые. Они увидят трупы, и они поймут. И дадут тебе имя.

Она затаилась, выпустила дым.

— Добро пожаловать в Пустошь, Мясник.

Он посмотрел на свои руки. На нож. На тлеющий окурок в пальцах старухи.

— Мясник, — повторил он. Слово было тяжёлым, как камень. Но он принял его.

Глава 2. Побег

Трупы нашли на рассвете.

Сначала Рябого, у порога бытовки Марты. Потом Гниду, в трансформаторной будке за свинарником. Весть разнеслась по Деревне быстро, как зараза — её передавали вполголоса, с опаской оглядываясь на бытовку у частоккола.

Он сидел на пороге, в том самом бушлате, снятом с Гниды, и смотрел, как осадники собираются кучками у костров. Они косились на него, но не подходили. Кто-то крестился, кто-то сплёвывал, кто-то просто отворачивался. Страх и уважение здесь ходили рука об руку, и теперь у него было и то, и другое.

Марта вышла из бытовки, кутаясь в дырявый платок. В руке у неё дымилась самокрутка. Она посмотрела на солнце, поднимавшееся над частокколом, и сказала:

— Жди гостей.

— Каких?

— Орден. — Она затянулась, выпустила дым через нос. — Здесь у каждого второго есть язык за пазухой. Кто-то уже шепнул патрульным, что в Деревне объявился новый боец, который за ночь положил двоих. Орден таких любит.

— Зачем я им?

— Вербовать будут. — Марта хмыкнула. — Они тут власть, парень. Единственная сила, которая держит Пустошь в узде. Фанатики порядка, мать их. Если предложат идти к ним — подумай крепко. Отказаться можно, но тогда ты для них никто. А никто в Пустоши долго не живёт.

Она ушла в бытовку, а он остался сидеть на пороге, глядя на дорогу.

Он не хотел в Орден. Он не знал почему — просто чувствовал это где-то в пустом пространстве, где раньше были мысли и воспоминания. Ему не нужна была форма, приказы и чужой правда. Ему нужно было понять, кто он. А для этого нужна была свобода.

Орден пришёл в полдень.

Их было пятеро. Они вошли в ворота Деревни строем, как на параде — чётким клином, с оружием наготове. Одинаковые серо-зелёные комбинезоны с нашивками на рукавах — стилизованный щит с перекрещенными молниями. Бронежилеты, разгрузки, шлемы с забралами. Двое несли укороченные автоматы, один — снайперскую винтовку с длинным глушителем. Ещё один, судя по нашивкам, был медиком. Пятый — командир — шёл впереди, без шлема, с бритой головой и лицом человека, который не улыбался даже во сне.

Осадники расступились перед ними, как вода перед носом лодки. Никто не хотел стоять на пути у этих людей.

Командир остановился у бытовки Марты. Его глаза — светлые, почти бесцветные — пробежались по герою, оценивая.

— Это ты? — спросил он. Голос у него был сухой, без эмоций, как у бухгалтера.

— Я, — ответил герой.

— Имя.

— Мясник. — Слово всё ещё резало язык, но он произнёс его твёрдо.

Командир чуть склонил голову набок.

— Мясник, значит. Мне доложили: двое убитых за ночь. Первый — удар в висок, добивание по затылку. Второй — ножом в бок и шею. Быстро, грязно, но эффективно. Это твоя работа?

— Моя.

— За что ты их?

— Они угрожали мне и Марте. Хотели продать меня вам как подопытного.

По лицу командира пробежала тень — не то усмешка, не то раздражение.

— Подопытного, говоришь. Это не к нам, это к Авангарду. Мы не ставим опыты. Мы наводим порядок. — Он сделал паузу. — Меня зовут Клещ. Я командую этим патрулём. И я предлагаю тебе работу, Мясник.

— Какую?

— Вступай в Орден Порога. Пройдёшь обучение, получишь снаряжение, жалованье и защиту. Такие, как ты, нам нужны. В Пустоши полно дерьма, и кто-то должен его разгрести.

— А если я откажусь?

Клещ посмотрел на него долгим взглядом. Потом перевёл взгляд на Марту, которая стояла в дверях бытовки.

— Отказ — это твоё право, — сказал он. — Но тогда ты остаёшься здесь, в Деревне, как гражданский. Без оружия, без права выхода в Пустошь, без защиты Ордена. И если ты ещё раз кого-то убьёшь — мы приедем за тобой. Но уже не вербовать.

Он дал знак своим людям. Те расслабились, но лишь слегка.

— У тебя есть час на размышление, — сказал Клещ. — Мы будем у ворот. Через час я жду ответ.

Орденовцы развернулись и ушли.

— Бежать тебе надо, — сказала Марта.

Они сидели в бытовке. Старуха собирала рюкзак — быстро, сноровисто, как человек, который делал это десятки раз.

— Почему? Клещ сказал, что у меня есть выбор.

— Врал он. — Марта бросила в рюкзак свёрток с сушёным мясом. — Ты уже убил двоих. Ты опасен. Орден таких либо забирает, либо убирает. Через час ты либо наденешь их форму, либо получишь пулю в затылок. Третьего не дано.

— Тогда почему ты меня спасаешь?

— Потому что ты мой должник, — она усмехнулась одними губами. — И потому что ты мне напоминаешь моего сына. Он тоже ни хрена не помнил, но дрался как чёрт. Погиб в Пустоши пять лет назад.

Она затянула лямки рюкзака и протянула его герою.

— Здесь еда на три дня, вода, бинты, спички и нож. Твой нож. Карту я положила в боковой карман — там отмечена старая метеостанция к югу отсюда. Идти полдня, если не попадёшь в аномалию. На метеостанции иногда бывают ловцы-одиночки. Они помогут, если заплатишь.

— Чем?

— Сростком. — Она сунула ему в руку небольшой мешочек. Внутри что-то слабо светилось. — Это «синий уголёк». Он дешёвый, но на еду и ночлег хватит. Скажешь, что от Марты с Порога. Меня там знают.

— Спасибо, — сказал он.

— Забудь это слово. — Она жёстко посмотрела ему в глаза. — В Пустоши «спасибо» ничего не стоит. Выживи. Это будет твоя благодарность.

Она вывела его через заднюю стену бытовки — там, где частокол подходил вплотную, а одна из рельс была расшатана и отгибалась, образуя узкий лаз. Марта знала о нём давно. Знала и молчала.

— Уходи сейчас. Орденовцы у ворот, они не увидят. Иди на юг, держись тропы, не сворачивай на свет и не слушай голоса.

— Голоса?

— Аномалии, — коротко бросила она. — У каждой свой голос. Не слушай. И не оглядывайся.

Он протиснулся в щель, чувствуя, как ржавое железо царапает спину. Снаружи был лес — тот самый, в котором он очнулся. Теперь он уходил в него по своей воле.

— Марта, — сказал он, обернувшись.

— Что?

— Ты дала мне имя.

— Нет, парень. Ты сам его заработал. А теперь вали.

И он пошёл.

Пустошь встретила его тишиной.

Здесь она была другой — не давящей, как в первую ночь, а скорее настороженной. Будто всё вокруг затаило дыхание и ждало, что он сделает дальше.

Он шёл по тропе, которую Марта нарисовала на карте — углём, корявыми линиями. Тропа вилась между деревьями, иногда теряясь в высокой траве, но он находил её снова. Инстинкт или везение — он не знал. Просто шёл.

Через час ходьбы он наткнулся на первую аномалию.

Это было похоже на дрожание воздуха над горячим асфальтом — только здесь асфальта не было. Просто участок тропы, метра два в ширину, над которым воздух шёл рябью. Он остановился, вспоминая слова Марты: «Если видишь, что воздух дрожит — обходи. Это Жница. Зайдёшь — нарежет на лоскуты».

Он обошёл.

Ещё через час начался подъём. Тропа пошла в гору, и лес поредел, сменившись каменистой местностью. Он остановился перекусить — достал полоску вяленого мяса, пожевал. Вода из фляги была тёплой и отдавала металлом.

Он думал о Марте. О Рябом и Гниде. О том, как легко оказалось убивать. Эта лёгкость пугала его больше, чем сама Пустошь. Кем он был до того, как потерял память? Солдатом? Бандитом? Или просто человеком, которому нечего терять?

Ответов не было.

Он продолжил путь.

Метеостанция появилась из-за холма внезапно.

Это было двухэтажное бетонное здание с провалившейся крышей и выбитыми окнами, окружённое ржавым забором. Над входом ещё сохранилась вывеска — стёртая, нечитаемая. Во дворе горел костёр, у которого сидели трое. Они заметили его, когда он был ещё на подходе, и один из них поднялся, вскинув автомат.

— Стоять! — крикнул он. — Кто такой?

Он поднял руки — опять этот жест, вбитый в подкорку.

— Меня Марта прислала, — сказал он. — С Порога.

Сидевшие переглянулись. Тот, что держал автомат, опустил оружие. Это был коренастый мужик лет сорока, с густой бородой и шрамом через левую бровь.

— Марта, говоришь? — Он подошёл ближе. — Как она там, старая карга?

— Жива.

— Уже хорошо. А ты, стало быть, новенький?

— Да.

— Имя есть?

Он открыл рот, чтобы сказать «Мясник», но передумал. Это имя принадлежало Деревне Порог. Оно останется там, в грязной бытовке, вместе с трупами Рябого и Гниды. Здесь, на метеостанции, он мог начать заново. Не новую жизнь — старую он не помнил, — но хотя бы новую страницу.

— Коди, — сказал он. — Моё имя Коди.

Бородач хмыкнул.

— Коди? Странное имя.

— Какое есть.

— Ну, Коди так Коди. Я — Шрам. А это, — он кивнул на сидевших у костра, — Барсук и Маяк. Мы тут пережидаем. Завтра уходим на юг. Если хочешь, можешь с нами.

— Что на юге?

— Ничейная земля. Там встарь был посёлок, называется Бирюза. Сейчас там перевалочный пункт — ловцы со всей Пустоши стекаются. Меняют сростки на снарягу, на жратву, на информацию. Если хочешь узнать, что тут и как, — тебе туда.

— Спасибо, — сказал Коди.

— Забудь это слово, — усмехнулся Шрам. — В Пустоши оно ничего не стоит.

Ночь он провёл на метеостанции.

Спал на втором этаже, в комнате без окон, завернувшись в бушлат. Сон был рваным, тревожным, но без сновидений. Утром Шрам дал ему кружку горячего травяного отвара и кусок хлеба — чёрствого, но съедобного.

Они вышли на рассвете.

Шли долго, почти без остановок. Шрам знал местность — показывал, где аномалии, где можно срезать путь, где лучше обойти. Барсук, угрюмый детина с обрезом, шёл замыкающим. Маяк, нервный парень с замотанным шарфом лицом, нёс рацию — старую, но, кажется, рабочую.

К полудню они вышли к Бирюзе.

Это было странное место. Не деревня, как Порог, и не научная станция, как метео. Скорее, стихийный лагерь, выросший вокруг развалин старого посёлка. Десятки палаток, навесов, костров. Люди с оружием, в разномастной одежде, кто-то в броне, кто-то в рванье. Шум, гомон, запах жареного мяса, машинного масла и дешёвого табака.

— Добро пожаловать в Бирюзу, — сказал Шрам. — Здесь ты либо найдёшь себя, либо потеряешь. Третьего не дано.

К вечеру Коди сидел у костра на окраине Бирюзы. У него больше не было ни покровителей, ни долгов. Только нож на поясе, старый бушлат и пустая голова. Но теперь у него было имя — и это было начало.

Глава 3. Бирюза

Бирюза встретила Коди запахом.

Запах был густым и многослойным, как дёготь. Жареное мясо, машинное масло, дешёвый табак, пот, ржавчина, сырая земля и что-то ещё — сладковатое и тошнотворное, доносившееся из-за дальней баррикады, где, по-видимому, сваливали мусор и отходы.

Коди стоял у въезда в посёлок, пропуская мимо себя поток звуков и движений. После тишины Пустоши это место казалось оглушительным. Крики торговцев, лязг металла, чей-то пьяный смех, надрывный лай собаки. Люди шли мимо — кто с рюкзаком, набитым снаряжением, кто с оружием на плече, кто просто шатался без дела, высматривая, что плохо лежит. Одежда на всех была разномастной: армейские бушлаты, кожаные куртки, самодельные накидки из мешковины и даже один мужик в драном костюме-тройке, будто только что вышедший из офиса, но с охотничьим ружьём в руках.

Шрам хлопнул его по плечу.

— Не стой столбом. Привлекаешь внимание.

Они прошли вглубь посёлка. Шрам шагал уверенно, как человек, бывавший здесь много раз. Барсук плёлся сзади, угрюмо зыкая по сторонам. Маяк нёс свою драгоценную рацию, прижимая её к груди, как младенца.

— Здесь есть место, где можно переночевать? — спросил Коди.

— Есть. «Ржавая нора». Но там платить надо. У тебя есть чем?

Коди вспомнил про мешочек, который дала Марта. «Синий уголёк». Он сунул руку в карман, нащупал твёрдый кристалл, тёплый на ощупь.

— Есть сrostок. Марта дала.

— Покажи.

Коди достал мешочек. Шрам развязал тесёмки, заглянул внутрь и присвистнул.

— Уголёк. Мелкий, но чистый. За него можно неделю жить в тепле и жрать до отвала.

— Он вернул мешочек. — Спрячь и не свети. Здесь глазастых хватает.

Они двинулись дальше, петляя между палатками и навесами. Коди разглядывал Бирюзу, пытаясь понять, как она устроена. Посёлок не был похож на Порог — не было видно частокола, не было единого центра. Скорее, это был муравейник, разросшийся вокруг развалин старых каменных домов. Три улицы расходились от центральной площади, где стоял остов автобуса без колёс, превращённый в чей-то жилой угол. Дальше шли руины — остатки двухэтажных зданий с выбитыми стёклами и провалившимися крышами. В некоторых кто-то жил: горели костры, сушилось бельё на верёвках.

— Что это за место было раньше? — спросил Коди.

— Посёлок геологов, — ответил Шрам. — Они здесь искали то ли уран, то ли ещё какую хрень. А потом случился Импульс, и всё накрылось. Теперь здесь Бирюза.

— Почему так называется?

— Видишь те плиты на площади? — Шрам указал на разбитую мозаику, выложенную на земле перед автобусом. — Говорят, здесь был фонтан. И его облицовка была из бирюзы. Местной, с уральских месторождений. Красиво было, наверное. Теперь только название осталось.

Коди посмотрел на разбитые плиты. Под слоем грязи и копоты ещё угадывался бледно-голубой цвет.

«Ржавая нора» оказалась не норой, а вполне крепким каменным зданием с уцелевшей крышей. Судя по остаткам вывески, раньше здесь была контора геологической партии. Теперь внутри стояли рядами самодельные лежанки — доски на кирпичках, застеленные спальниками, одеялами, а то и просто охапками соломы.

У входа сидел хозяин — мужик лет пятидесяти с обожжённым лицом и отсутствующим ухом. Шрам назвал его Кувалдой. Тот принял «синий уголёк», долго разглядывал его на свет, потом хмыкнул и сказал:

— На неделю хватит. Считаю, заселился. Лежанка в углу, у окна. Жрать дают два раза в день — утром и вечером. Посторонних не водить, дебош не устраивать. Если что — сам разберусь. Понял?

— Понял, — сказал Коди.

Шрам с Барсуком и Маяком устроились рядом. Шрам сказал, что у них свои дела в Бирюзе — встретиться с кем-то из старых знакомых, узнать новости. Коди остался один.

Он сидел на лежанке, прислонившись спиной к холодной стене, и смотрел на людей вокруг. Обитатели «Ржавой норы» были в основном ловцами — так здесь называли тех, кто ходил в Пустошь за сростками. Усталые, обветренные лица, руки в шрамах, глаза с вечной искоркой настороженности. Они говорили вполголоса, чистили оружие, штопали одежду. Никто не обращал на Коди внимания, и это было хорошо.

В углу, у железной печки, сидела компания из трёх человек. Один — высокий, худой, с замотанным платком лицом — рассказывал историю. Коди невольно прислушался.

— ...я ему говорю: не лезь туда, там Жница в два слоя. А он упёртый был, как баран. Ну и пошёл. Я только и видел — шагнул, и нет человека. Только кроссовок остался. Такой, знаешь, белый с красной полосой. Кроссовок стоит, а ноги нет. И крови нет. Как ножом срезало.

— А ты чего? — спросил один из слушателей, коренастый мужик с дробовиком на коленях.

— А что я? Я его сросток подобрал. Он же у входа в аномалию лежал, ждал, пока дурак за ним полезет. Хороший сросток был, «слеза», крупная. Я его за три дня продал, купил себе новый комбез и патронов. А кроссовок так и стоит, между прочим. Если пойдёте к оврагу — увидите.

Рассказчик засмеялся хриплым, невесёлым смехом. Остальные подхватили. Коди почувствовал холодок в животе. Это был мир, в котором смерть была повседневностью. И он был частью этого мира.

К вечеру вернулся Шрам. Он пришёл один, без Барсука и Маяка, и сел рядом с Коди на лежанку.

— Есть новости, — сказал он. — Две. Одна хорошая, другая — как повезёт.

— Начинай с хорошей.

— Твой «уголёк» Кувалда оценил честно. Неделя у тебя есть. Если хочешь, можешь просто сидеть тут, привыкать. А потом искать работу попроще.

— А вторая?

Шрам понизил голос.

— Тут один человек ищет бойцов. Вернее, охотников. У восточных развалин завелась какая-то тварь. Раньше её не видели, а теперь она режет ловцов. Уже троих положила. Говорят, быстрая, как молния, и умная. В засаду берёт.

— Почему ты говоришь «какая-то»? Что за тварь?

— Никто не знает. Те, кто видел, не выжили. Но следы оставляет странные: не когти, а будто лезвия. И пахнет от неё кислотой.

Коди нахмурился.

— И что, за неё награда?

— Награда хорошая. Тот человек, что ищет охотников — его зовут Дым, — он предлагает десять «слез» за голову. Или один «чёрный сросток». Это, если не знаешь, очень дорогая штука.

— Почему он сам не пойдёт?

— Потому что он старый. И потому что он умный. — Шрам усмехнулся. — Дым — не просто ловец. Он из первых, кто сюда пришёл. Ему лет шестьдесят, и он до сих пор жив. Это о чём-то говорит, а?

Коди задумался. Десять «слез» или «чёрный сросток» — это было больше, чем всё, что он имел сейчас. С таким капиталом можно было купить нормальное оружие, снаряжение, информацию. Но главное — это был шанс узнать что-то о себе. Тварь, режущая людей, странные следы — это был вызов, который он чувствовал не разумом, а где-то глубже, в том пустом пространстве, где раньше была память.

— Я хочу поговорить с Дымом, — сказал он.

Шрам кивнул.

— Завтра утром. Он будет на площади.

Ночь прошла тревожно. Коди спал урывками, просыпаясь от каждого громкого звука — а в «Ржавой норе» их было много. Кто-то храпел, кто-то говорил во сне, кто-то матерился сквозь зубы. Под утро он окончательно проснулся и просто лежал, глядя в тёмный потолок.

Он думал о Марте. О том, как она выхаживала его, не зная даже имени. О том, как дала ему нож и послала убивать. О том, что сказала на прощание: «Выживи. Это будет твоя благодарность».

Он нащупал в кармане мешочек с «синим угольком». Тот всё ещё был тёплым — сростки никогда не остывали полностью.

Надо было выжить. И для этого нужно было оружие.

Утром он вышел на площадь.

Дым ждал его у разбитого фонтана. Старик был именно таким, каким его описывал Шрам, — высокий, сутулый, с длинными седыми волосами, собранными в хвост. Лицо его было изрезано морщинами и шрамами, но глаза смотрели живо, цепко. Одет он был в старый кожаный плащ с заплатками на локтях и армейские сапоги. На поясе висел длинный нож в ножнах, а за спиной — карабин с потёртым прикладом.

— Ты, значит, новенький, — сказал Дым вместо приветствия. Голос у него был низкий, с хрипотцой заядлого курильщика. — Шрам сказал, тебя зовут Коди.

— Да.

— Имя как у собаки, — заметил Дым. — Но это твоё дело. Шрам говорит, ты хочешь на тварь.

— Хочу. Но сначала хочу узнать, что это за тварь.

— Садись. — Дым указал на обломок бетонной плиты. Сам он остался стоять.

Коди сел. Старик закурил самокрутку, выпустил дым в серое небо и начал рассказ.

— Восточные развалины — это то, что осталось от старой обоганительной фабрики. Там добывали руду, дробили, промывали. После Импульса это место стало аномальным — не сильно, но хватает. Пару Жниц, один Термитник, ещё что-то по мелочи. Ловцы туда ходили часто: там почему-то много сростков вызревало. Хороших, чистых.

— А теперь?

— А теперь туда никто не ходит. — Дым затаился. — Месяц назад пропал первый ловец. Его нашли через три дня — вернее, то, что от него осталось. Тело было изрезано, будто кто-то работал скальпелем. И главное — раны были оплавлены по краям. Как будто резали раскалённым лезвием.

— Аномалия?

— Нет. Аномалия так не режет. Жница рубит, Термитник жжёт, но оплавленные порезы — такого никто не видел. Потом пропал второй. Его вообще не нашли — только кровь на камнях и обрывок одежды. А третьего нашли позавчера. Вернее, половину.

— Половину?

— Верхнюю. Нижнюю не нашли. И на срезе — та же картина: оплавленные края, никакой крови.

Коди помолчал, переваривая услышанное.

— Ты говоришь, тварь умная. Почему?

— Потому что она прячется. Обычные мутанты тупые: лезут на всё, что движется, пока не убьют или пока их не убьют. А эта ждёт. Выбирает момент. Бьёт в спину. И ещё — она не оставляет следов. Ну, кроме порезов. Я был на месте, смотрел. Там каменистая почва, но даже там должны быть хоть какие-то отпечатки. Ничего. Будто тварь не касается земли.

— Летает?

— Или прыгает. Или ползает по стенам. — Дым раздавил окурочку каблуком. — Я не знаю, что это. Но я знаю, что её надо убрать. Потому что если она расплодится, Бирюза превратится в кладбище.

Коди посмотрел на свои руки. Те самые руки, которые два дня назад держали нож и убивали без дрожи.

— Я пойду, — сказал он. — Но мне нужна команда.

— Шрам уже согласился, — сказал Дым. — Он пойдёт с тобой. И ещё один человек — его зовут Маяк. Он трусоват, но у него есть рация и он знает местность. Трое — достаточно для разведки. Если повезёт, вернётесь к вечеру.

— А если не повезёт?

Дым посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом.

— Тогда я найму других.

Подготовка заняла остаток дня.

Шрам раздобыл оружие для Коди — старый, но ухоженный пистолет-пулемёт с тремя запасными магазинами. Сам Шрам взял свой автомат и дробовик. Маяк вооружился лёгким карабином и, что странно, сумкой с какими-то металлическими шариками на длинных проводах.

— Что это? — спросил Коди.

— Сигналки, — ответил Маяк, нервно поправляя шарф. — Если тварь подкрадётся, я услышу. Надеюсь.

— А почему ты идёшь? Ты же боишься.

— Потому что я боюсь, — признался Маяк. — И потому что Дым платит десять «слез». А мне нужно выбраться из этой дыры. На Большую землю. Это стоит дорого.

Коди не стал спрашивать дальше. У каждого здесь была своя история.

Они вышли из Бирюзы на рассвете.

Путь к восточным развалинам лежал через каменистую гряду, поросшую редким кустарником. Идти было неудобно — камни крошились под ногами, заставляя оступаться. Вокруг стояла всё та же давящая тишина, к которой Коди почти привык. Только ветер иногда шелестел в кустах, да где-то далеко, на грани слышимости, гудела Пустошь.

— Скоро будем на месте, — сказал Шрам, сверившись с картой. — Развалины за тем холмом.

— Что за тварь, по-твоему? — спросил Коди.

— Если бы я знал, я бы, наверное, не пошёл. — Шрам усмехнулся без веселья. — Дым говорит, похоже на «хирурга». Это местная байка, слышал? Будто в Пустоши есть тварь, которая режет людей для своего удовольствия. Раньше я думал, это сказки.

— А теперь?

— А теперь я думаю, что сказки здесь часто становятся правдой.

Маяк, шедший позади, вдруг остановился и поднял руку.

— Тихо.

Все замерли. Ветер стих. И в наступившей тишине Коди услышал то, что заставило его сердце пропустить удар.

Звук. Мерный, ритмичный. Будто кто-то водил ножом по стеклу. Звук доносился из-за холма, со стороны развалин.

— Это она? — шёпотом спросил Маяк.

— Не знаю, — так же тихо ответил Шрам. — Но там кто-то есть.

Они двинулись вперёд, пригибаясь за камнями. Коди чувствовал, как в груди нарастает холод — тот самый холод, который он испытывал в бытовке Марты, перед тем как ударить Рябого гаечным ключом. Холод боя, холод готовности.

Когда они поднялись на гребень холма, развалины открылись перед ними.

Фабрика была большой — несколько корпусов из бетона и ржавого железа, соединённых галереями и лестницами. Крыша провалилась в двух местах, стены зияли дырами. Всё это напоминало скелет гигантского животного. И в центре этого скелета, на открытой площадке, что-то двигалось.

Коди вскинул бинокль — старый, ещё советский, который дал Шрам.

Тварь была не похожа ни на что из того, что он мог вообразить.

Размером с крупную собаку, но с длинными, паучьими конечностями. Тело было покрыто не шерстью и не кожей, а чем-то похожим на хитиновые пластины — серые, с зеленоватым отливом. Морда — если это можно было назвать мордой — была вытянутой, с двумя парами челюстей, из которых сочилась какая-то жидкость. Она капала на землю, и трава под ней мгновенно желтела и съеживалась.

— Кислота, — прошептал Коди. — Дым был прав.

— Смотри на лапы, — сказал Шрам.

Коди перевёл бинокль ниже. И увидел. Передние конечности твари заканчивались не когтями, а длинными костяными лезвиями — изогнутыми, зазубренными, блестящими, как хирургические скальпели. И они пульсировали — будто по ним текла кровь.

Или яд.

— Блядь, — выдохнул Шрам. — Такой я ещё не видел.

— Что будем делать? — спросил Маяк дрожащим голосом.

Коди опустил бинокль и посмотрел на развалины. Тварь была одна — по крайней мере, других он не видел. Она двигалась медленно, как будто патрулировала территорию. Сейчас она была на открытом пространстве, но в любой момент могла скрыться в руинах.

— У нас есть преимущество, — сказал он. — Она нас не видит. Мы знаем, где она. Она не знает, где мы.

— И что ты предлагаешь? — спросил Шрам.

— Стрелять отсюда. С двух точек. Ты и Маяк — с правого фланга. Я — с левого. Если попадём, хорошо. Если нет — она побежит в укрытие. Тогда начнётся охота.

— А если она побежит не в укрытие, а на нас?

Коди посмотрел на Шрама. Тот усмехнулся.

— Ладно, Коди. Давай попробуем.

Они разошлись по позициям.

Коди занял место за большим валуном метрах в пятидесяти от развалин. Отсюда тварь была видна как на ладони. Он опёрся на камень, прицелился. Пистолет-пулемёт был старым, но смазанным и заряженным. Коди вдруг понял, что знает, как с ним обращаться — пальцы легли на рукоять и цевьё правильно, плечо упёрлось в приклад без напряжения. Мышечная память. Значит, в прошлой жизни он держал оружие.

Выстрел разорвал тишину.

Пуля попала твари в бок. Хитиновая пластина брызнула осколками, и тварь издала звук — высокий, скрежещущий, от которого зазвенело в ушах. Она дёрнулась, но не упала. Вместо этого она повернулась и прыгнула.

Прыжок был невероятным — метров на пять вверх и вперёд, с места. Тварь приземлилась на стену корпуса, впиваясь костяными лезвиями в бетон, и замерла там на мгновение, сканируя пространство.

— Огонь! — заорал Шрам.

С правого фланга ударил автомат. Пули выбили крошку из стены рядом с тварью. Та спрыгнула, уходя от огня, и скрылась в проломе.

— Ушла, — выдохнул Маяк.

— Не ушла, — поправил Коди. — Спряталась. Теперь она знает, что мы здесь. И будет охотиться на нас.

Они собрались за валуном. Шрам был мрачен.

— Что за хуйня? Я попал ей в голову, а она даже не замедлилась.

— У неё броня, — сказал Коди. — Надо бить в суставы. Или в брюхо. Там пластины тоньше.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю. Догадываюсь.

Шрам пристально посмотрел на него, но ничего не сказал.

Они двинулись в развалины.

Тварь ждала их внутри.

Первый удар пришёлся на Маяка. Тот шёл чуть позади, и когда тварь спикировала на него с потолочной балки, он не успел даже вскрикнуть. Костяное лезвие полоснуло его по плечу, распоров куртку и кожу. Маяк упал, зажимая рану, а тварь снова исчезла в темноте.

— Сука! — Шрам вскинул автомат и выпустил очередь в потолок. Пули выбили пыль и щепки, но тварь уже была в другом месте.

Коди опустился на колено рядом с Маяком. Рана была глубокой, но не смертельной — лезвие прошло по касательной. Края раны были оплавлены, как и говорил Дым, и от неё пахло горелым мясом.

— Вставай, — сказал он. — Вставай, или сдохнешь.

Маяк, всхлипывая, поднялся. Его шарф пропитался кровью.

— Я не могу... я не...

— Можешь. — Коди рывком поставил его на ноги. — Держи карабин и смотри вверх.

Они двинулись дальше, вглубь фабрики.

Тварь напала ещё дважды. Один раз она попыталась достать Шрама — тот успел среагировать и ударил её прикладом в морду. Второй раз она метнулась к Коди из тёмного проёма, но тот инстинктивно выстрелил от бедра — и на этот раз попал. Пуля вошла твари в сустав задней лапы, и та взвизгнула, захромав.

— Она ранена! — крикнул Коди. — Дави!

Они загнали её в угол цеха — туда, где когда-то стояли дробильные машины. Тварь забилась между двумя ржавыми агрегатами, щёлкая челюстями и разбрызгивая кислоту. Шрам вскинул дробовик и выстрелил — заряд картечи разорвал хитиновые пластины на груди твари. Та забилась в агонии, размахивая лезвиями, но Коди подошёл ближе и выпустил остаток магазина ей в голову.

Тварь дёрнулась и затихла.

В цехе повисла тишина. Только капала кислота с челюстей мёртвого мутанта, прожигая дыры в бетонном полу, да хрипло дышал раненый Маяк.

Шрам опустил дробовик, вытер пот со лба.

— Ну что, Коди. Кажется, ты заработал свою награду.

Обратный путь занял больше времени — Маяк шёл медленно, опираясь на плечо Шрама. Коди нёс трофей. Голову твари Шрам отсёк топориком, который всегда таскал в рюкзаке, и теперь она висела в мешке, перепачканном кислотой и слизью.

В Бирюзу они вернулись к вечеру.

Дым ждал их на площади, у разбитого фонтана. Увидев мешок, он кивнул.

— Покажи.

Коди развязал мешок. Голова твари, даже мёртвая, выглядела омерзительно. Дым наклонился, осмотрел лезвия, капнул на них какой-то жидкостью из пузырька. Лезвия зашипели, и он удовлетворённо хмыкнул.

— Та самая. — Он выпрямился. — Ты сделал работу, Коди. Плату получишь сейчас.

Он достал из-за пазухи мешочек — тяжёлый, звякнувший. Десять «слез» — мутно-белых сrostков, каждый размером с ноготь. Или «чёрный сrostок» — один, но невероятно ценный.

— Выбирай, — сказал Дым. — Десять «слез» или один «чёрный».

Коди посмотрел на Шрама. Тот пожал плечами.

— Десять «слез» надёжнее, — сказал он. — «Чёрный» — это как лотерея. Можно продать за бешеные деньги, а можно не продать вообще.

— Я возьму «слезы», — сказал Коди.

Дым кивнул и протянул ему мешочек. Потом перевёл взгляд на раненого Маяка.

— Его в лазарет. За мой счёт.

— Спасибо, — прошептал Маяк.

— Забудь это слово, — ответил Дым.

Ночью Коди сидел на пороге «Ржавой норы» и смотрел на звёзды. В руке он держал «слезу» — маленький, мутный камешек, который слабо светился в темноте. Десять таких. Целое состояние.

Рядом сел Шрам, протянул ему кружку с горячим отваром.

— Ну что, Коди. Первый выход — и ты уже богач.

— Ты тоже. Мы делили пополам, как договаривались.

— Верно. — Шрам отхлебнул из кружки. — И знаешь что? Ты странный.

— Почему?

— Потому что ты не задаёшь вопросов. Люди обычно после такого трясутся, бухают или молятся. А ты просто сидишь и смотришь на звёзды.

— Я не знаю, что спрашивать, — сказал Коди. — Я не знаю, кто я. И не знаю, что мне делать дальше.

— А дальше, парень, ты будешь жить. — Шрам допил отвар и поднялся. — Утром поговорим. Есть ещё одна работа. Но это потом. Отдыхай.

Он ушёл, а Коди остался сидеть. «Слеза» в его руке мерцала, как крошечная звезда. И впервые за всё время, что он помнил, он почувствовал что-то похожее на покой.

Глава 4. Бункер

Утро в Бирюзе начиналось с криков.

Не с пения птиц и не с шума просыпающихся улиц, как, наверное, было в городах Большой земли. Здесь утро начиналось с хриплых голосов торговцев, расхваливающих товар, с лязга затворов — кто-то чистил оружие, — и с надсадного кашля старого Кувалды, который каждое утро обходил свои владения, пиная спящих на земле должников.

Коди проснулся затемно. Привычка, которую он не осознавал, но которая уже укоренилась в теле. Он сел на лежанке, потянулся, разминая затёкшие мышцы. Рана на ступне затянулась на удивление быстро — Марта, видно, знала толк в своих травах. Остался только розоватый шрам, который при нажатии почти не болел.

Он натянул сапоги, проверил нож — тот самый, которым убил Гниду. Лезвие было чистым и острым, он вчера долго возился с ним у костра, доводя до бритвенной остроты. Привычка? Или просто здравый смысл? Он не знал.

В углу зашевелился Шрам. Бородач сел, зевнул, поскрёб шрам через бровь.

— Не спится?

— Уже выспался, — ответил Коди.

— Это хорошо. Значит, голова свежая. — Шрам потянулся за кружкой с остатками вчерашнего отвара. — Потому что разговор будет долгий.

— Ты вчера говорил про работу.

— Говорил. И сейчас расскажу подробно. Но сперва — пожрать.

Они вышли к общему костру, где Кувалда уже выставил котёл с чем-то, что он называл «кашей». На самом деле это было варево из дроблёного зерна, каких-то кореньев и кусочков вяленого мяса, происхождение которого никто не спрашивал. Но было горячо и сытно. Коди съел свою порцию, обжигая язык, и запил тёплой водой.

Шрам сел рядом, поставив миску на колено.

— Слушай, Коди. Есть человек. Не из наших, из «Авангарда». Учёный.

Коди напрягся. Слово «Авангард» он слышал уже не раз — и всегда с оттенком опаски.

— Я думал, с ними лучше не связываться.

— По-разному. — Шрам отправил ложку в рот, прожевал. — Они, конечно, те ещё мрази, если дать им волю. Но этот конкретный учёный — он не из таких. Я его знаю давно. Он платит честно и вопросов не задаёт.

— Что ему нужно?

— Карты. — Шрам вытер рот рукавом. — В старом бункере, к северу отсюда, раньше была военная метеостанция. Не та, где мы ночевали, а другая — подземная. Говорят, там до сих пор хранятся архивы. Данные о том, что происходило до Импульса. И, главное, во время него.

— Зачем это учёному?

— А вот это, Коди, не наше дело. — Шрам строго посмотрел на него. — Мы не задаём вопросов. Мы берём заказ, делаем работу, получаем плату. Понял?

— Понял. Но я всё равно хочу знать, с кем имею дело.

Шрам вздохнул, оставил миску.

— Ладно. Его зовут Грин. Доктор Грин. Он из старых, ещё довоенных специалистов. Занимался атмосферой, излучением, всякой такой хреню. После Импульса остался в Пустоши — не смог уйти, или не захотел. Теперь работает на Авангард, но держится особняком. Живёт в мобильном лагере, в паре часов ходьбы отсюда.

— И он хочет, чтобы мы сходили в бункер и принесли ему бумаги?

— Именно. Плата — двадцать «слёз». По десять на брата.

Это была большая сумма. После десяти «слёз» за тварь Коди уже чувствовал себя почти богачом, но двадцать — это были совсем другие возможности. Оружие, нормальная броня, может быть, даже доступ к информации о том, кто он такой.

— Когда выходить? — спросил он.

— Сначала поговорим с Грином. Он даст координаты и инструкции. Выйдем завтра утром. А сегодня у тебя есть день — отдохни, приведи себя в порядок. Купи что-нибудь на свои «слёзы».

Коди кивнул. Он уже думал о том, что ему нужно.

День он провёл на базаре.

Базар в Бирюзе был стихийным — ряды навесов и просто расстеленных на земле тряпок, где торговали всем, что можно найти, украсть или принести из Пустоши. Сrostки, оружие, патроны, еда, одежда, инструменты — всё это переходило из рук в руки под аккомпанемент хриплого торга и матерщины.

Коди искал броню.

После боя с тварью он понял: один удачный удар — и его бушлат не спасёт. Нужно было что-то серьёзнее. Он остановился у прилавка, за которым сидел здоровенный мужик с лицом, изрытым оспой. На прилавке лежали разгрузки, наколенники, старые армейские бронежилеты.

— Что ищешь, парень? — спросил мужик.

— Что-то лёгкое, но прочное. Чтобы не сковывало движений.

— Есть. — Мужик порылся под прилавком и вытащил жилет из плотного кевлара, с накладками на груди и спине. — Чешский, довоенный. Лёгкий, пулю остановит. На химзащиту не рассчитывай, но от осколков и ножа — самое то.

— Сколько?

— Три «слезы».

Коди мысленно поморщился. Три «слезы» — это было много. Но вещь стоила того.

— Две.

— Две с половиной. И я добавлю подсумки.

— Идёт.

Он выложил три мутных камешка, один из которых расколол пополам тяжёлым ножом. Мужик кивнул и протянул жилет. Коди надел его прямо поверх бушлата, затянул ремни. Жилет сел как влитой, будто был сшит на него. Опять эта мышечная память — он знал, как правильно подгонять снаряжение.

Дальше он купил флягу из нержавеющей стали, запас патронов для пистолета-пулемёта, который дал Шрам, и пару новых портянок — ноги нужно было беречь. К вечеру от десяти «слёз» осталось три. Но он чувствовал себя гораздо увереннее.

На закате он сидел у разбитого фонтана и чистил оружие. Люди вокруг занимались тем же — Бирюза готовилась к ночи. Костры разгорались ярче, голоса становились громче: кто-то пил, кто-то играл в кости, кто-то просто сидел и смотрел в огонь.

Коди подумал о Марте. Как она там, в своей бытовке у частоккола? Жива ли? Он дал себе слово когда-нибудь вернуться в Деревню Порог и отдать ей долг. Хотя она бы, наверное, сказала: «Забудь это слово».

Утром они вышли втроём. Шрам, Коди и Маяк.

Маяк всё ещё носил повязку на плече, но держался бодрее. Увидев, что Коди разглядывает его рану, он пожал плечами:

— Заживает. Тварь, видно, не заразная. И то хлеб.

— Сегодня будет проще, — сказал Шрам. — Никаких тварей. Бункер — место тихое. Главное — не наступать на аномалии и не сворачивать с маршрута.

— Ты там был? — спросил Коди.

— Один раз, года три назад. Но внутрь не заходил. Там вход завален. Сейчас, говорят, расчистили.

— Кто?

Шрам усмехнулся.

— А вот это хороший вопрос, Коди. Кто-то расчистил. Грин говорит, не его люди. Значит, там могли побывать другие. И неизвестно, что они оставили.

Шли долго, часа четыре. Путь лежал через холмистую местность, поросшую редким лесом. Деревья здесь были в основном сухие, с облупившейся корой, но встречались и живые — кривые, низкорослые, с неестественно яркой зеленью. Маяк сказал, что это из-за «сумеречной взвеси» — микрочастиц, которые оседают в почве и меняют растения. Есть их нельзя, даже трогать лишний раз не стоит.

К полудню они вышли к бункеру.

Он был врезан в склон холма — массивная бетонная конструкция, поросшая мхом и трещинами. Вход прикрывала стальная дверь метра три в высоту, сейчас приоткрытая ровно настолько, чтобы мог протиснуться человек. Перед входом валялись ржавые бочки, обрывки колючей проволоки и остатки какого-то механизма, похожего на сломанный генератор.

— Тихо тут, — сказал Маяк, нервно оглядываясь. — Слишком тихо.

— Я же говорил, — хмыкнул Шрам. — Место тихое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.